

МУЗЫКА

Живая нота

ОБ АДРИАНЕ КОРЧИНСКОМ мне сказали: «Он самый молодой член Союза композиторов». Самый молодой? И мне представился симпатичный парень в джинсах и в куртке, который носит партитуры в сумке с надписью «Спорт».

Заблуждение рассеялось с первого взгляда — с синего диванчика в фойе консерватории мне навстречу поднялся высокий, плотный человек в очень строгом темном костюме, в очень строгих очках в толстой темной оправе, с очень строгим взглядом, а в течение всей нашей беседы он не выпускал из рук огромного очень старого портфеля.

Адриану — 25 лет. Музыку он стал писать с пяти лет, еще во Львовской музыкальной школе. Потом учился в Центральной музыкальной школе в Москве, затем в Московской консерватории. Его учителя — Т. Н. Хренников, А. С. Леман, А. А. Чайковский, Л. Н. Наумов. В 1982 году он окончил консерваторию, а уже в 1983 вступил в Союз композиторов, 1984 год принес ему звание лауреата Всесоюзного конкурса молодых композиторов...

На первый взгляд все понятно: чтобы стать композитором, нужно научиться писать музыку. Для этого существуют музыкальные школы, училища, консерватории. Однажды мне довелось присутствовать на экзамене по композиции в классе, который ведет в консерватории Т. Н. Хренников. Аспиранты и студенты всех курсов показывали свои сочинения. Далеко не просто определить, у кого лучше, а у кого хуже. Наверное, многие бы тут растерялись. В самом деле, не понравится тебе какой-то композитор, говоришь — это плохая музыка. А через 2—3 года окажется, что это гениальный мастер, создавший новый музыкальный стиль. Как быть педагогам? Ведь композитор, даже если он еще студент, — это сложная творческая индивидуальность, и требуется величайший такт и осторожность, чтобы не взнечай не причинить ненужную боль, не внушить мучительных сомнений в собственных силах.

Какой же критерий помогает объективно оценить уровень композиторского мастерства?

Вопрос сложный, и ответить на него однозначно вряд ли удастся. Но кое-что все-таки понять можно. И я поняла это «кое-что» именно на том экзамене, когда услышала, как Т. Н. Хренников сказал одному студенту-выпускнику: «У вас все очень грамотно и профессионально, но нет ни одной живой ноты — все надуманное, искусственное, механическое». А другого, новичка, похвалил: «У вас очень живая музыка: такое впечатление, будто вы ее не придумали, а подслушали у жизни».

«Живая» нота — вот качество, отличающее настоящую музыку. Это заставляет с трепетом внимать каждому звуку, от которого перехватывает дыхание одновременно у тысяч слушателей.

— А как же ремесло, техника? Какую роль они играют в творческом процессе? — спрашиваю я к Адриану.

— Специфика композиторского труда в том, чтобы сочетать импровизационный импульс, творческую фантазию со строгими рамками замысла, формы. Например, в детстве я ставлю перед собой задачу, а как композитор — другие. Так, первое время учился в консерватории я старался сочинять в том или ином традиционном музыкальном стиле, потому что, не обладая знаниями всего сделанного предшественниками, не владея композиторскими стилями прошлого, создать что-то новое и значительное невозможно. Я внимательно вслушивался и в так называемую «развлекательную» музыку: джаз, джаз-рок, фьюжн,

писал композиции, в которых осваивал отдельные элементы, свойственные этим музыкальным стилям. А потом поставил задачу — соединить, синтезировать в своем музыкальном языке элементы «серьезной» музыки и музыки «развлекательной», которую слышишь в кругу друзей, на улице.

— А чем вызвана такая потребность?

— Серьезные композиторы, на мой взгляд, порой далеко отходят от молодежной аудитории, а ведь именно молодежь является основным слушателем. Не потому ли в молодежной среде бытует пренебрежительное отношение к серьезной музыке? Как аукнется... Часто друзья меня спрашивают: «Что ты пишешь?». Ответишь — песни, джаз. Проявляют интерес: «Спой, сыграй...». Ответишь — ораторию, фортепианный концерт, — на лицах иронические улыбки и даже недоумение... Я заметил, у молодых ребят понятие «музыка» ассоциируется с песней, с эстрадой.

— Значит, ты хочешь писать то, что слушает молодежь? Или — так, чтобы слушала молодежь?

— Да, я хочу писать так, чтобы мои друзья, сверстники слушали мои сочинения не только из вежливости. Но это значит — не идти на поводу, а стремиться к взаимопониманию. Сейчас иные серьезные композиторы и молодежная аудитория как бы говорят на разных языках, а нужно, чтобы обе стороны стремились овладеть языком друг друга.

Ведь величайшие композиторы не гнушались писать просто-напросто танцевальную музыку — Бах, Гайдн, Шуберт, Брамс, Шопен. Многие их сочинения, которые для нас уже являются классикой (менуэты, вальсы, лендеры), были для них развлечением, шуткой, а иногда просто средством заработка.

А сейчас некоторые композиторы считают ниже своего достоинства писать развлекательную музыку. А эстрадные композиторы, со своей стороны, просто не могут писать музыку «серьезную». Правда, есть композиторы, которые,

мне кажется, замечательно делают и то и другое — Пахмутова, Петров, Артемьев.

— Но, наверное, хорошо песню написать так же трудно, как и хорошую симфонию?

— Да, но количество затраченного труда далеко не адекватно. Композиторы, работающие в эстраде, зачастую более обеспечены материально, быстрее добиваются известности, признания. Ведь для того, чтобы поставить оперу, нужно время — минимум год — и труд огромного коллектива, а выпустить песню можно и за месяц.

— Значит, ты стремишься найти «золотую» середину?

— Да, потому что мне одинаково близко и то и другое.

— Удалось ли приблизиться к этой цели?

— Во всяком случае я попытался. Я имею в виду сочинение, за которое я получил I премию на Всесоюзном конкурсе — «Партиту для струнных, ударных и органа». В основу этой музыки я по-

ложил индийскую традиционную тему «Корень Лотоса», к которой неоднократно обращались джазовые музыканты — Дж. Маклафлин, А. Козлов. Она проходит через все сочинение. В начале ее звучание нарочито архаично, а ближе к концу я попытался найти такие сочетания тембров, которые приблизили бы ее к современности — в этом была вся сложность, потому что я пользовался акустическими инструментами, а хотел заставить их звучать, как электронные инструменты. Так мне хотелось выразить идею вечности, неизбежности подлинных музыкальных ценностей.

Что ж, уверенность в собственных силах, ощущение правильности выбранного пути, ясность цели — все это обнадеживает. Ведь соединить «серьезное» с «развлекательным» — не значит перемешать хорошее и плохое, черное и белое. «Серьезная» музыка не всегда сложна, а «развлекательная» музыка — далеко не примитивна, а главное — и там и там есть... живая нота.

Е. ГРЯЗНОВА.
Фото С. ЖАВИНА.

МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ
12 СЕН 1985